

Александр НИКОЛАЕНКО

УЧИТЕЛЬ И ЕГО УЧЕНИКИ

В начале XIX в. в России возникла необходимость проведения государственной реформы системы образования. Однако нужных для этого подготовленных отечественных кадров не хватало. Задача формулировалась так. Надо было приглашать квалифицированных профессоров, желательно славянского происхождения, которые бы говорили по-русски или смогли в короткое время изучить русский язык. Попечитель Петербургского учебного округа Н.Н. Новосильцев, которому было поручено выполнение этого задания, попытался решить этот вопрос без затруднения. Он обратился за помо-

щью к И.С. Орлау, жившему тогда в России.

Почему такой высокопоставленный государственный деятель считал нужным обратиться к Орлау? Иван Семенович Орлай (1770-1829) родился в семье офицера (по другим данным, в семье священника) в Венгрии в селении Хуст Мараморошского комитета¹.

Сведения об образовании И. Орлая противоречивы. Т. Байцура, ссылаясь на «Русский биографический словарь» И. Кубасова, приводит такие данные. Свое начальное образование он получил в Мукачевском народном училище, затем перешел в Ужгородскую гимназию, потом в Великокарловарскую высших наук гимназию, где изучал математику, логику и историю. В 1788 году Орлай поступил во Львовский университет. Здесь он уделял внимание в основном математике, физике, естествознанию, истории, философии, немецкому языку и философии. В 1789 г. сдал экзамены по философии в Эрландской консистории и поступил на богословский факультет Пештского университета (Генеральная Йозефинская семинария)².

Однако есть и другие данные. Они исходят из того, что И. Орлай практически готовился к службе священника. Поэтому он решил продолжить свое духовное образование в столице родственной ему России и принят был в Александро-Невскую семинарию. Вскоре в связи с открытием медико-хирургических училищ медицинская коллегия об-

ратилась к Синоду с просьбой разрешить произвести набор среди семинаристов, владеющих латынью. В результате группа бывших семинаристов зачисляется в ученики медицинских училищ, среди них был и Иван Орлай. По окончании курса наук 7 мая 1791 г. произведен лекарем и поступает на службу в Генеральный сухопутный госпиталь³.

В следующее десятилетие своей жизни Орлай сделал головокружительную карьеру. В 1801 г. в качестве придворного медика нового царя Александра I в ночь дворцового переворота дежурил возле тела мертвого императора Павла. Он же, Орлай, подписал медицинское заключение о его смерти⁴.

По национальности Орлай считал себя карпатороссом. Говоря так, совершенно не стоит забывать, что речь идет о начале XIX века. В это время национальность определяли по осознанию своей принадлежности к определенной территории и месту рождения. Именно название «карпаторосс» и выражает это осознание. Первая часть его говорит о территории, к которой принадлежит Орлай по месту своего рождения, а вторая часть – о представлении о родстве с русским народом, которое испокон веков были присуще коренным жителям Карпат⁵.

5 марта 1803 г. Орлай представил Новосильцеву записку, в которой излагал свой взгляд на поставленный перед ним вопрос. «Весьма легкое, верное и действительное средство, - пишет Орлай, - иметь в скором времени способных и знающих преподавателей, которые могли бы в самый непродолжительный срок излагать науки по-русски. Средство это заключалось в приглашении иноземных наставников славянского происхождения, и преимущественно карпатороссов, так как они обыкновенно знают основательно церковнославянский язык»⁶. Из числа названных Орлаем карпаторосских профессоров, получивших это звание в Австрийской империи, в Россию, были приглашены М.А. Балугьянский, В.Г. Кукольник, П.Д. Лодий, в дальнейшем положительно зарекомендовавшие себя на ниве просвещения. Достаточно сказать, что М. Балугьянский и В. Кукольник преподавали великим князьям Михаилу и Николаю, впоследствии императору Николаю I. Они вместе с П. Лодием были профессорами педагогического института, а затем образованного на его базе университета.

В 1804 г. Орлай публикует в журнале статью «История о карпатороссах»⁷, которая привлекла к себе внимание, в том числе и Карамзина. В этом сочинении Орлай утверждал, что предки русинов пришли в Паннонию вместе с Арпадом⁸. Это факт упоминается в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Орлай здесь показывает хорошее знание не только венгерских и византийских источников, а также знакомство с публикациями современных ему историков (Шлецер, Миллер).

В 1806 г. «по особому императорскому поручению» Орлай посетил Германию, где в Кенигсбергском университете был произведен «свободных наук магистром и философии доктором». Посетил также Дерптский университет, где представил свою диссертацию, которая была напечатана. Ему присвоено звание доктора медицины и хирургии. Вернулся из поездки в 1807 г. Орлай выезжал еще в 1810 г., был «признан почетным членом Ерлагенского физико-медицинского общества».

К сожалению, подробного описания указанных поездок я пока не обнаружил и ограничиваюсь только общими данными. Кенигсбергский университет того времени был освящен именем великого Канта, но ко времени пребывания Орлая в Кенигсберге Канта уже не было в живых. Выступление Орлая было, вероятнее всего, посвящено филологии латинского языка, которым Орлай владел в совершенстве. С кем он встречался и имел беседы в Кенигсберге, можно только предполагать. Возможно, его интересовал Иоанн Готфрид Гердер и его учение, его также весьма интересовали вопросы истории Карпат и национальной принадлежности коренных жителей.

Есть информация о возможных связях Орлая с Гёте, которого он мог посетить ранее, во время поездки в Германию⁹. Произошло это якобы в 1795 г., когда Орлай стал членом Иенского общества естественных наук. Позже Орлай неоднократно встречался с этим «великим мужем» Германии, они обменивались письмами.

В 1807 г. избран ученым секретарем Медико-хирургической академии и назначен помощником лейб-хирурга Вилие – главного по армии медицинского инспектора. Орлай принимал участие в разработке Устава академии при начальном ее образовании и издании военной фармакопеи. В 1811 г. назначен академией редактором всеобщего журнала врачебной науки, который был учрежден академией.

Принимал участие в Отечественной войне 1812 г. С апреля 1812 г. «исправлял добровольно должность ординатора сухопутно-генерального госпиталя». В октябре этого же года с должности ординатора был уволен «по причине уменьшения числа больных», но еще некоторое время продолжал лечить. За усердие и труд был пожалован орденами и произведен в статские советники. В 1817 г. Орлай подает прошение по состоянию здоровья освободить его от звания ученого секретаря академии. Просьба его удовлетворена, но он был оставлен доктором императора и состоящим по особым поручениям при президенте академии баронете Виллие.

Орлай начинает заниматься устройством своих личных дел и совершает поездку в южные края. В Миргородском уезде Полтавской губернии он приобретает крошечное имение Михайлодар, в котором все-

го было 6 душ. Заметим, что имение это находилось рядом с имением матери Гоголя. Этим же летом вместе с семьей генерала Дорохова он посещает в Нежине семью трагически погибшего своего друга В.Г. Кукольника и гостит у его вдовы. Визит носил не случайный характер.

В Нежине в апреле 1820 г. Высочайшим рескриптом было открыто первое на левобережной Украине высшее учебное заведение, Гимназия высших наук кн. А. Безбородко. Созданное новое учебное заведение, несмотря на название «Гимназия», давало выпускникам его высшее образование, приравниваемое к университетскому. В.Г. Кукольник дал согласие быть его директором, и в июле 1820 г. он был утвержден в этой должности.

Кукольник был выбран директором гимназии не случайно. К этому времени он был профессором Санкт-Петербургского университета, доктором свободных художеств, философии и права, автором многих научных трудов, в том числе и учебника по гражданскому праву. Пользовался заслуженным уважением. Достоин внимания тот факт, что вместе с И. Орлаем он присутствовал на лицейском экзамене А.С. Пушкина при переводе его из «младшего возраста» в «старший». Как уже говорилось, в 1813-1814 гг. он обучал римскому и российскому гражданскому праву великих князей.

Правда, в 1819 г., когда происходили выборы ректора Петербургского университета, В.Г. Кукольник не был избран. Он даже не баллотировался на эту должность, а был назначен проректором. «Зачем же Петербургский университет выбрал себе проректора, а не ректора? – писал в письме Е. Болховитинов. – Кукольник стоит подлинного имени»¹⁰.

На этот вопрос до настоящего времени нет однозначного ответа. Правда, нужно сказать, что в последние годы царствования Александра I правительственная политика по образованию резко изменила ориентиры. Взял верх реакционный курс, свидетельством чему явились возникшие многочисленные «дела о вольнодумстве». Приведем только перечень этих дел: 1816 г. - «дело» в Харьковском университете, 1819 г. - в Казанском университете, в 1821 г. - «дело» в Петербургском университете. Было «дело» даже в Петербургской духовной академии. Завершающим в череде сменявших друг друга дел было «Дело о вольнодумстве» (1827) в Нежинской Гимназии высших наук.

Утверждать, что эти дела как-то повлияли на судьбу В.Г. Кукольника, трудно, но и исключать этого нельзя. К большинству перечисленных «дел» имели самое прямое отношение представители карпаторусской интеллигенции, непосредственно связанные с В.Г. Кукольником (П. Лодий, М. Балугьянский, Ф. Янкович). Учебник П. Лодия по «естественному» даже праву был признан крамольным.

Надо помнить также, что теорию «естественного» права в России начали преподавать карпатороссы, переехавшие из Австрии в Россию по приглашению Александра I. Первыми отечественными учебниками по «естественному» праву были учебники В.Г. Кукольника, вышедшие в 1810, 1813 и 1815 гг. Последнее издание вышло в 1816 г.¹¹

24 августа вместе с семьей В.Г. Кукольник приезжает в Нежин. 1 сентября (по другим данным – августа) 1821 г. В. Кукольнику пришлось заниматься хозяйственными и разными кадровыми делами, а также самому проводить занятия. К началу занятий преподавательский штат не был укомплектован. Причин было несколько. Поэтому большинство предметов (латинский язык, российская грамматика, история, география) В.Г. Кукольник преподавал сам вместе с сыном Платоном. Согласно «Экзаменационному списку воспитанников Гимназии первого приема» на протяжении 1820-1821 учебного года в гимназию зачислен 21 ученик, среди которых был и Н. Гоголь¹².

Неожиданно для всех В.Г. Кукольник 6 февраля 1821 г. умирает. Сын его, русский писатель Н.В. Кукольник, ученик Нежинской гимназии, так объясняет причины случившегося: «Надежды разом были уничтожены; средства отняты, к тому же присоединилась тяжкая скука учебного, совершенно изолированного, потому что не только общество, но и те, которые должны были служить ему помощниками, не могли вполне понимать видов его, разделять его мысли и чувства, и тоска слишком скоро потрясла чувствительный организм. Он впал в ипохондрию, быстро и неотразимо увлекшую его в преждевременную могилу». И как дополнение к сказанному дается пояснение: «В.Г. Кукольник в припадке меланхолии выбросился из окна третьего этажа здания лицея и умер вследствие этого падения»¹³.

Так что посещение вдовы друга и его детей для Орлая было святой обязанностью. Ознакомившись с Нежином, с гимназией, Орлай принимает решение переехать сюда работать. 3 сентября 1821 г. он назначается директором гимназии вместо умершего друга, а в конце октября 1821 г. переезжает в Нежин. 1 ноября он приступает к исполнению обязанностей директора.

Обстановка среди преподавательского состава гимназии на этот момент складывалась напряженная. Несколько месяцев гимназию возглавляло Временное правление, состоявшее из профессоров гимназии. Среди профессоров выявились желающие любым путем продвинуться. К тому же вдова покойного директора гимназии постоянно требовала от попечителя учебного округа принять меры в отношении преподавательского состава, который, по ее мнению, был виноват в смерти В. Кукольника. Старший сын покойного директора Платон рассчитывал, что ему будет предложено место отца, но когда стало ясно,

что этого не произойдет, тоже начал вести себя неадекватно и вскоре-сти рассчитался (октябрь 1821 г.). Вдову с детьми по требованию попечителя Харьковского учебного округа просто выселили. Произошло это в сентябре 1821 г., буквально сразу после посещения ее Орлаем¹⁴. Сын Нестор перевелся в Житомирское уездное училище. Мать уехала в Прибалтику, в имение, подаренное мужу Александром I.

Орлай, приступив к исполнению, занялся, в первую очередь, хозяйственными делами. 19 ноября 1821 г. Орлай обращает внимание на недостаточное количество учебников. Конференция гимназии принимает решение приобрести учебники по истории, математике, географии, риторике, красноречию и др. 1 декабря Орлай заслушивает сообщение библиотекаря о состоянии книг, оставшихся в гимназии после смерти предыдущего директора. Он принимает решение составить каталог с разделением книг на церковные, нравственные, физические и др.

Сразу же началась и его организаторская и педагогическая деятельность. 8 ноября 1821 г. проходит первое заседание конференции гимназии, на которой Орлай излагает свой план устройства вверенной ему школы. Он предлагает поделить воспитанников на шесть разрядов (принципаты, грамматисты, синтаксисты, риторы, пииты и эстетики). Надзирателям вменяется общаться с учениками во время дежурств только на иностранном языке.

Вводится порядок, по которому преподавателям рекомендуется свободно высказывать «свои мысли по управлению гимназией», даже если они и направлены против какой-нибудь меры, предлагаемой самим директором. Если чьи-нибудь суждения окажутся основательными, они подлежат обязательной записи в журнал.

В январе 1822 г. Орлай ставит вопрос о создании в гимназии научного общества, которое бы занималось изучением истории местного края. Но это предложение не находит поддержки конференции гимназии по причине малочисленности профессорско-преподавательского состава, отсутствия необходимых источников и проблем, связанных с учебным процессом. Орлай выражает по этому решению свое особое мнение. Но идея Орлая находит поддержку у гимназистов.

В 1824 - начале 1825 г. гимназисты сами решают создать историческое общество и принимают решение написать, ни много ни мало, всемирную историю. Кроме того, отдельные гимназисты начинают работу над составлением малороссийского словаря.

Коллектив учеников, доставшийся Орлаю, имел свои особенности, которые отдельные педагоги гимназии называли элементарной «распущенностью» (выражение надзирателя Моисеева). Так, ученик Любич-Романович на стене гимназического музея сделал надпись: «При

выпуске береги зубы, Моисеев». Ученик Кобеляцкий в ответ на замечание преподавателя Зельднера начал хлестать его хлыстом по ногам, а когда тот стал убегать от ученика, погнался с хлыстом за ним. И подобные примеры были не единичны. Они говорят, прежде всего, что преподавательский коллектив, доставшийся Орлаю, был не на уровне, и Орлай занялся кадровыми мерами. Эти меры были направлены именно на улучшение воспитательного процесса. Об этих мерах случайно сохранились свидетельства.

В рапорте от 2 июля 1827 г. проходивший по «Делу о вольнодумстве», которое расследовалось уже после ухода Орлая с должности директора гимназии, профессор Н. Белоусов давал прибывшему из Петербурга проверяющему такие показания: «...Орлай многократными убеждениями принудил меня принять на себя должность инспектора... Я долго отказывался, ибо видел, сколько труда, беспокойств и неприятностей должно было переносить при столь развращенном состоянии пансиона, в котором он тогда находился. Но когда сей почтенный своими заслугами в нашем отечестве муж начал меня почти со слезами убеждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую целому заведению, присовокупляя, что на меня только он единственно полагает надежду, что я все могу исправить, тогда я уже решился принять на себя тяжкое бремя...»¹⁵.

Сам Орлай в своей педагогической деятельности руководствовался либеральными методами по отношению к воспитанникам. Многим это не нравилось, но гимназисты с пониманием относились к его требованиям. Так, П. Кукольник, один из учеников Орлая, который возвратил его в 1823 г. гимназию, вспоминал: «Некоторые наставники, еще в бурсе привыкшие к раболепству, называли этот период существования гимназии периодом беспорядка. Толковали, что в оно время профессора не слушались директора и спорили до глубокой ночи в конференциях. Так понимали педагоги по титулу прения ученого сословия? Иван Семенович с умыслом предоставлял наставникам свободу споров, в надежде и из них образовать самостоятельное и разумное общество»¹⁶. И в этом он преуспел.

Общая интеллектуальная обстановка, созданная в гимназии за время, когда ее возглавлял Орлай, послужила базой тому, что в конце 1820-1830-х гг. из ее стен вышла целая когорта литераторов, оставивших заметный след в истории литературы и гуманитарных наук. Среди них были поэты, прозаики, очеркисты, этнографы, переводчики. Важную роль в создании этой базы играл И. Орлай. Он создал специальную программу гуманитарного образования. В основе созданной программы лежала идея Орлая, согласно которой «в последнем трех-

летию, или академическом курсе будут студенты упражняться практически в сочинениях на всех подающихся в гимназии языках».

Спектр эстетических направлений был достаточно разнообразным. Это прежде всего классическая художественная традиция. Нужно добавить сюда и увлечение древнегреческой культурой (Платон, Сократ, Демокрит, Аристотель и др.).

Система образования, которую создал И. Орлай, носила «энциклопедический» характер (как охарактеризовал ее Н. Кукольник). Этот ее характер сформировал одну из примечательных особенностей мировоззрения выпускников: поразительную жажду знаний о мире, стремление к всеохватывающим формулам, поиск универсального «ключа» к истинной жизни¹⁷.

В августе 1825 г. по гимназии распространяются слухи, что Орлай получает другое назначение. В сентябре 1825 г. он информирует конференцию, что ему действительно поступило предложение занять место лейб-медика Его Императорского Величества. Он срочно выезжает в Таганрог, но спустя месяц, в октябре 1825 г., возвращается в Нежин и продолжает исполнять обязанности директора.

В это время в гимназии учащимися образуется литературное общество, которое вскладчину выписывает журналы и книги. К этому же времени относятся и литературные опыты воспитанников. В журналах «Северный архив», «Дамский журнал», «Украинский журнал» и других публикуются произведения гимназистов и отдельных преподавателей гимназии.

В июле 1826 г. на конференции заслушивается рапорт «Об испорченности некоторых воспитанников», но Орлай уже на все смотрит философски, ибо 1 августа 1826 г. его назначают директором Ришельевского лицея в Одессе. Между остающимися профессорами гимназии к этому времени вновь разгорелись раздоры, и это негативно сказалось как на учебном процессе, так и на дальнейшей судьбе гимназии. С отъезда Орлая новое начальство начало по-своему прибирать к рукам пансионеров, что не замедлило породить в их среде тревогу и смуту. Жалобы поднимаются одна за другой, начинаются расследования, принимаются крутые меры.

Вот только один характерный пример того времени. Гимназист К. Базили, греческого происхождения, семья которого пережила турецкую резню у себя на родине в Греции, поступил в гимназию в 1822 г. Он был из богатой семьи и на родине получил классическое образование. Спасаясь от гонения, он вынужден был переехать в Россию. В гимназии он пользовался уважением Орлая и других преподавателей. В 1825 г. ему было разрешено сдать экзамен за два года с переводом из пятого класса в седьмой. Однако ученый секретарь пе-

репутал дела, не составил нужный акт, и Базили был переведен только в шестой класс.

И. Орлай, переехав в Одессу, посоветовал его матери перевести сына в Одессу. В июле 1827 г. Базили уехал в Одессу. Орлай предложил ему жить в своем доме и поручил занять временно вакансию греческой словесности. Одновременно Базили стал преподавать русскую словесность и в Греческой коммерческой гимназии.

В 1829 г. Орлай умер. Советом Одесского лицея было поручено Базили произнести в соборе надгробную речь на греческом языке¹⁸.

Буквально через три месяца (начало ноября 1826 г.) после ухода Орлая гимназию посещает почетный попечитель ее Кушелев-Безбородко. Он остается недовольным положением дел в гимназии. Об этом находим упоминание в одном письме Н. Гоголя к матери: «К нам приезжал граф, был у нас немалое время, много говорил, ничего не сделал и уехал восвояси. Орлай наш так успел везде охулить нашу гимназию, что, думаю, и он оттого так мало о ней печется»¹⁹.

Как можно оценить деятельность И. Орлая? Украинские националисты сегодня оценивают ее отрицательно. Василий Пачовский, писатель и ранний украинский историк Закарпаття, пишет об этом так: «[В]сі вчені тої доби не повернулися до народу, а пішли на службу чужим богам... П. Лодій, Балудянський, Іван Орлай, брати Кукольники до Росії, Юрій Гуца до Болгарії. Для нашого народу з Закарпатської України вони не дали нічого, покинули свій край і нарід і не вміли поставити національних змагань на народному ґрунті, й не створили з народної мови своєї літератури, як їх сучасники мадяри. Захопила їх душі велика Росія, а рідний нарід залишився без світочів у темноті. Вони могли бути між найпершими, а пішли до Росії на другорядних діячів і пропали там, загубивши талант свого народу»²⁰.

Не вдаваясь в детали, касаючіеся братьев Кукольников, скажем, что однозначно ответить на вопрос, что дали поступившие на службу России в начале XIX в. карпаторусские ученые «Закарпатской Украине», трудно. В то время, когда они перебрались в Россию, этот регион еще входил в состав Австрии и Украиной не был. Только с 1945 г. по воле Сталина он стал украинской территорией, той самой, которую Пачовский и называет «Закарпатской Украиной». Поэтому прежде всего отметим саму некорректность подобной постановки вопроса. Достаточно только вспомнить фамилии выпускников Нежинской гимназии, таких, как Гоголь, Гребенка, Кукольник, Редкин, Любич-Романович, Билевич, Лукашевич, Афанасьев-Чужбинский, Забила, Мокрицкий, В.В. Тарновский, П. Мартос, Я. де Бальмен. В культуру и науку России и Украины каждый из них внес определенный вклад. Из всей когорты перечисленных учеников я подробно рассмотрю влияние Орлая

на ведущих русских писателей Гоголя и Н. Кукольника и попробую показать, как оно отразилось на их творчестве.

Прежде всего, надо отметить, что Орлай - прототип «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ» Гоголя. Сходство педагогических принципов директора гимназии и «директора» Александра Петровича обнаруживается и в образе преподавания. Состояние дел в Нежинской гимназии после отъезда Орлая нашло определенное отражение в описании во втором томе «Мертвых душ» учебного заведения Александра Ивановича Тентеникова именно после того, как «чудный наставник» скоропостижно умер. «Все переменялось в училище: на место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович. Человек добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи [...]. Налег он тот же час на какие-то внешние порядки, стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых»²¹.

Стоит также обратить внимание на другое важное обстоятельство, о котором упоминают очень редко. Это любовь и интерес к истории Закарпатья, к истории запорожского казачества, которые привил Орлай ученикам гимназии. В своих беседах с гимназистами, в своих публикациях Орлай давал исторические сведения о Закарпатье, Буковине и Галичине, проводил мысль о единстве славянских земель и о пагубности междоусобных раздоров. Эти взгляды Орлая нашли отражение в повести Гоголя «Страшная месть». Здесь Гоголь несколько раз упоминает Карпаты, причем им употребляется название Карпатских гор в единственном числе - «Карпат», т.е. в такой форме, которая была обычна для Закарпатья. В такой же форме употребляет Гоголь это слово и в незаконченной очерке о славянах: «Горы сторожат эту непомерную безмерность и равнину. Пустынными рядами уральскими, снегоглавым Кавказом, ветвистым Карпатом они окружили ее как бы с тем, что<бы> здесь сохранилась долговременно особая своеобразность, особый отпечаток на здешних народах».

Взгляды Орлая сказались и на отношении его учеников к истории запорожского казачества. Важно отметить, что своими убеждениями в необходимости единства славянских земель Орлай обязан исключительно непосредственному переживанию трагической судьбы своего народа – отторгнутых от России единоплеменников. Это у Гоголя выразилось в создании повести «Тарас Бульба». В работе над этой повестью, помимо впечатлений от общения с Орлаем, Гоголь пользовался собранием «галицко-русских» песен В. Залесского, изданным в 1833 г. во Львове. В 30-е г. XIX в. Гоголь начал усиленно заниматься историей Южной Руси, запрашивал у Погодина библиографию публикаций по этой теме.

Но особенно заслуживает внимания взгляд Орлая на природу русского языка. Он проповедовал идею, что русский язык един для всех славян. Идея эта сложилась исторически и неоднократно высказывалась различными представителями славянской (и закарпатской в том числе) культуры. Еще в 1799 г. в первой словенской газете «Lublanske Novize» (№ 26 за 29 июля) Валентин Водник писал: «Теперь мы видим своими глазами, каких могучих и великих братьев имеем на свете. Они сохранили в совершенной чистоте наш славянский язык. К ним должны мы приближаться, если хотим очистить свой язык. И у них мы должны учиться, как надо защищать родину от врага»²². Аналогичного мнения придерживалось большинство карпаторусских писателей того времени.

Надо отметить, что в общении с закарпатскими «просветителями» того времени эта мысль Орлая находит подтверждение. Известный карпаторусский просветитель И.Бережанин (Фогораший) писал ему (1827): «якъ в угрорусии учена и просвѣщенна его часть писать и говорить чистим старинным или руським языком, так совершенно, какъ и самыи великороссияне»²³.

Отсюда понятно возражение, которое высказывал Н. Гоголь против попыток создания особого украинского литературного языка: «Нам ... надо писать по-русски... надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родным нам племен. Доминантой для русских, украинцев и чехов должна быть единая святыня - язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгуттеров»²⁴.

Рассмотрим, как сказалось влияние Орлая на творчестве другого его ученика, Нестора Кукольника (1809-1868). Кукольник был сыном друга Орлая, поэтому в гимназии он пользовался возможностью близкого общения с ним. Родом он был карпаторосс. Он так и писал о себе: «... я был сын карпаторосса, хотя и до сих пор еще не видал родных Карпатов. Эта любовь к далекой родине никогда не угасала»²⁵. Как видим, судьба угророссов (или «карпатороссов», как они стали позже называться) была ему близка и понятна. Устное народное творчество народов Закарпатья особо отличалось героическим эпосом - балладными песнями с их особенностями в виде элементов чудес, взволнованностью и эмоциональностью²⁶. И Кукольник пользовался этим в своем творчестве, создавая патриотические (иногда даже ура-патриотические) произведения. И именно эту сторону его драм не воспринимало большинство русских философов и писателей-современников (Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Чаадаев, Аксаков и др).

Кукольник был не согласен, что малороссам необходим особый литературный украинский язык. Он, как и Гоголь, считал, что русский

язык должен быть единым. И это он показал в своих произведениях о казачестве.

Тематика казачества тоже занимает немалое место в его творчестве. Он ей посвятил несколько произведений («Вольный гетман пан Савва», «Запорожцы» и историческое сказание «Азовское сидение»). В отличие от гоголевского «Тараса Бульбы» Кукольник пытается именно через бытовые сцены передать дух Запорожья и по-своему решает вопрос разговорной речи. Он слегка модернизирует колоритную украинскую речь и дает ее «живьем», без перевода, сопровождая лишь подстрочными примечаниями. Диалоги казаков пересыпаны типичными украинскими просторечными выражениями типа «бисов сын», «чортма», «до биса», «гарно браво» и т.п. Это делало речь действующих лиц живой, доступной для восприятия русским читателем²⁷.

Рассказ Н. Кукольника «Вольный гетман Савва» основывается на сюжете, взятом из одной галицийской песни. Именно здесь, в этом рассказе, Кукольник повторяет слова Орлая: «Украина простиралась от Кавказа до Карпата, а на юг до Балканов».

Но особенно примечательно то, что, создавая свое историческое сказание «Азовское сидение» (1855), Кукольник пытается пригласить критиков к дискуссии о судьбе Украины и украинского народа. К сожалению, никакой дискуссии не получилось, а вышла одна лишь отрицательная рецензия Н. Чернышевского, продемонстрировавшего незнание и непонимание бытовых особенностей донского казачества и его разговорной речи²⁸. Уместно заметить, что, издавая в 1918 г. «Донскую хрестоматию» для казачьих школ, атаман П. Краснов включил главу из «Азовского сидения» как пример для изучения²⁹.

Что касается самого русского языка, то Кукольнику неоднократно высказывали упреки в ненадлежащем знании русского языка. Он сам об этом писал: «У меня, право, так много врагов, что я уже и счет потерял. Беспреданно кричат противу моего слога, противу моего языка»³⁰. Недовольство языком писателя выражал А.С. Пушкин. Приведем сохранившийся ответ Кюхельбекера на одно такое замечание: «Не слишком ли ты строг к Кукольнику? [...] Язык Кукольник знает плохо, стих его слишком изнежен, главный порок его – болтовня; но все же он стоит того, чтоб, например, ты принял его в руки; в нем мог бы быть путь, дай ему больше сжатости, силы, бойкостей; мыслей и чувств у него довольно, особенно (не во гнев тебе) если сравнить его кое с кем из наших сверстников, из наших старших братьев – Гоголь?»³¹. И. Тургенев прямо обвинял Н. Кукольника в незнании русской жизни, а Ф. Булгарин напомунал ему, что он живет в России, а не в своих Карпатских горах³².

У Н. Кукольника мало произведений, где прямо описывались бы события из закарпатской истории. Можно упомянуть стихотворение «Сербская элегия» (1839), где в стихотворной форме поддерживается идея потенциального единства южных славян в целом, сербов и хорватов в частности. Еще раньше, тоже в стихотворной форме Н. Кукольник обращается к краям предков в стихотворении «К Бугу» (1836):

..... Быть может и меня
Сломает враг.... Пускай! Умру, но Бугу
Пошлю прости, как царственному другу.

Ту же идею проводит он в стихотворении «Империя» (1842):

Не семь холмов, а семь морей –
Подножия святой державы!
Три части света – ложе ей,
Полмира – мера русской славы.

Показательно, что, говоря о России как «Империи», в ее состав Карпатские горы им были включены, хотя внимание на этом не акцентируется.

Попробуем разобраться, почему так мало собственно закарпатских тем в произведениях Н. Кукольника. Действия в его произведениях развиваются в землях, с которыми Россия соседствовала на западе. Интересуется он местами, откуда пошло Великое княжество Литовское и Русское, т.е. северо-западным краем (включая Белоруссию), а также Холмщиной и Подляшьем. Этот интерес возник в юношеские годы, когда он, познавая историю предков, понял, почему они вынуждены были уйти с родных земель. Он осознавал роль иезуитов в разорении предков отца и правильно оценивал попытки разных его современников пропагандировать «украинофильство» и русофобию, в том числе с помощью польских или полонофильских кругов юга и северо-запада России. История и этого края, и соседней Белоруссии очень волновала Н. Кукольника. Его роман «Альф и Альдона» (1842) и сегодня может быть настольной книгой современной Литвы, так глубоко и прочувствованно показана история края³⁴. А роман «Две сестры» (1863) дает представление о внутренней жизни северо-запада России, где основное содержание составляет призыв к толерантности³⁵.

Ряд исторических произведений Кукольника связан с именем князя Холмского. Земли Холмщины прошли сложный исторический путь. Эти древние земли Галицко-Волынского княжества со второй половины XIV в. до 1795 г. были в составе Речи Посполитой, с 1795 по

1809 г. входили в состав Австрии, позже вошли в состав России, затем, в 1918 г., недолго были в составе Украины и, наконец, опять были присоединены к Польше. Но Кукольник рассматривает действия князя Холмского в тот период, когда именно шло «собрание земель Русских». Он даже дает свое толкование отдельным действиям князя, чем вызывает неодобрение в российских элитных кругах интеллигенции того времени.

В драме «Князь Холмский» (1840) излагается эпизод, когда князь пытается изменить русскому царю. Предательство становится известным, и Иоанн III его прощает. Вот как объясняет подоплеку описанного события сам Кукольник. 8 октября 1853 года в письме к историку и писателю А.В. Висковатову Кукольник пишет: «...В горячих головах любчан, гданчан, рижан, ревельцев, новгородцев, псковитян и т.д. родилась и долго поддерживалась идея Балтийской Венеции, республики с протекторатом особого дожа и патрициев.[...]»

Иоанн первый разрубил эту химеру уничтожением Новгорода, что имело, к сожалению, самые пагубные последствия для просвещения России. Вот всевозможной краткости те мотивы, которые были поводом, почему я перетолковал вину Холмского по-своему»

И далее он так объясняет действия князя Холмского, изображенные в драме: «Разве этого не могло случиться? Мысль была в самом разгаре. Эстония накануне разрушения, полководец молодой и предприимчивый, любимый войсками, которые на первых порах могли бы составить оплот и противу Москвы, и противу магистров»³⁶.

Правда, в описываемый в произведениях Кукольника период Холм уже не принадлежал князю Холмскому, но политика требовала (и Кукольник это показывает) не «загонять» Холмского в Польшу, а привлечь его к России.

История показала правоту Кукольника. В течение веков Холмщина разделяла судьбу закарпатских земель и, несмотря на все бедствия и бури, жила своей культурной и религиозной жизнью. Пребывание Холмщины в пределах Королевства Польского, которое до событий 1863 г. имело широкую автономию, содействовало как полонизации населения, так и латинизации церковного обряда. Из-за различия политически-правового характера между Россией и Австрией и мощной бюрократизации российских и австрийских систем, не дающих свободного развития каких-либо из национальных инициатив, здесь не удалось заложить фундамент национального возрождения, как это произошло в соседней Галиции³⁷.

Заканчивая рассмотрение влияния Орлая на творчество Н. Кукольника, нельзя не сказать об отношении Кукольника к «славянофильству». В отличие от Гоголя он называл его «пошлым»³⁸. И понять это

можно. «Русское славянофильство, правда, стремилось к оказанию помощи болгарам, черногорцам и сербам, к отнюдь не символическому водружению православного креста над святой Софией. Но те же славянофилы ничего не знали о своих русских славянских братьях, проживающих тут же, за межой русско-австрийского рубежа.

Российская империя, считая Австро-Венгрию «лоскутной монархией», даже и не подумывала об оказании какой-либо помощи русскому населению, проживающему в Галицкой и Карпатской Руси³⁹.

И это подтвердили события 1848 г., когда войска Николая I прошли через территорию Карпатской Руси, так ничего не сделав для ее освобождения. Это не могло не вызвать разочарования среди карпатороссов, проживавших в России.

Кукольник считал, что славянофил – это, прежде всего, «местный патриот», который скорбит, о чем скорбеть следует, а радуется, чему радоваться надо⁴⁰. Он разделял идеи карпаторусских просветителей (Головацкий, Добрянский, Раковский и др.) и в своем творчестве проповедовал веру в единый русский язык и просвещенного монарха. Русофильское влияние он оказывал на своих племянников. Достаточно сказать, что своего племянника И.А. Пузыревского, выезжавшего в командировку в Германию, он наставлял: «Если тебе и придется чем-то гордиться в жизни, то гордись тем, что ты русский»⁴¹. Подтверждением тому, что подобное славянофильское воспитание приносило плоды, является факт, что в предисловии к книге Ф. Аристова в числе журналов по тематике славяноведения называется журнал «Славянская корреспонденция» И. Пузыревского⁴².

Кукольник помнил, что отец, «не надеясь на Венгрию, не любя Австрии... решил посвятить труды свои славянам». Однако, в ряде своих произведений последних лет он говорит и о судьбе южных соседей карпатороссов. В 1860 году на сцене Мариинского театра ставится опера композитора Дютша «Кроатка». Музыка оперы была написана на либретто Н.Кукольника⁴³. События, представленные в опере, относятся к борьбе кроатов с венграми. Несмотря на успех, сопровождавший первое представление, опера вскоре была снята с репертуара. По мнению специалистов (Н. Финдейзен), это произошло потому, что сюжет оперы, в которой описывалось восстание или борьба хорватов с венграми, не совсем гармонировал с настроением высшего общества того времени. Знакомство с цензурной историей оперы подтверждает эту гипотезу и позволяет понять истинные причины печальной судьбы произведения.

Нельзя умолчать и тот факт, что при издании собрания сочинений у Кукольника возникли неприятности с цензурой. Цензура не пропускала описания, пусть эпизодически, событий, которые хотя бы какое-

нибудь отношение имели к Венгрии⁴⁴. В замечаниях к роману «Дурочка Луиза» цензор потребовал убрать все случаи упоминания о венграх, на что Н. Кукольник заметил: «Можно исключить помаранное [...], как относящееся до Венгрии по сближению с последними происшествиями, ибо тут как будто представляются некоторые основания, хотя тут безграничная разница». И разницу он поясняет: «Гидру своеволия, фанатизма политического, преступного и гибельного для всех народов, а тогда дело шло о вере». В конце концов, Н. Кукольник исключил этот роман из своего собрания сочинений, но исправлять его не стал.

В заключение скажем, что И. Орлай своей деятельностью практически первым обратил внимание русской общественности на существование, нужды и национальные стремления населения Карпатской Руси. Именно в этом он видел извечную историческую правду – стремление всех славянских народов к слиянию в могучем русле славянства. В этом же духе он и воспитывал своих учеников.

О том, как следовали заветам Орлая два его ученика – Н. Гоголь и Н. Кукольник, мы постарались кратко рассказать. Большинство других учеников тоже внесли значительный вклад в разные сферы знаний и культуры. Классиками украинской литературы считаются В. Забила и Е. Гребенка. Видным этнографом был А. Афанасьев-Чужбинский. Известным специалистом права стал Редкин, академиком Российской Академии художеств был избран А. Мокрицкий. В строительную механику внес вклад Д. Журавский. Дипломат Г. Базили описал свои поездки на Ближний Восток. Благодаря В. Тарновскому возник первый музей Шевченко на Украине. И даже «реакционер» П. Мартос был издателем первого «Кобзаря». А Я. де Бальмен делал иллюстрации к «Кобзарю», и Т. Шевченко посвятил ему свою поэму «Кавказ».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Пряшев, 1971. С. 25. Т. Байцура указывает, что это место рождения признают большинство исследователей, хотя встречается и указание на место рождения в селении Паладь.
2. Русский биографический словарь. Обезьянов–Очкин. СПб., 1905. С. 309.
3. РГИА. Фонд 371. Оп. 1. Ед. хр. 691. Л. 34. Эти данные не соответствуют формулярному списку И. Орлая (РГИА. Ф.1349. Оп. 4. Ед. хр. 1828. № 96. Ч. 2. Л. 24.), где указано, что И. Орлай перевелся из Римско-императорско-королевской службы, где был профессором в Велико-Карловской гимназии (Венгрия). Данные приводятся по «Формулярному списку д.с.с. Орлая», опубликованному в сборнике «Гоголеведческие студии», Вып. 2 (13), Киев-Симферо-

поль, 2005. С.37-50. В дальнейшем при описании получаемых Орлаем степеней и должностей цитирование, выделенное кавычками, делается по этому источнику без указания его.

4. *Виленский Ю., Звиняцзовский В.* Наставник великого учителя // Медицинская газета. 1989. 31 марта. № 39.

5. Этнонимический символ «карпаторосс» впоследствии был заменен этнонимическим символом «русин», который стал доминирующим и восходит к русским летописям X-XII веков и к «Русской Правде» Ярослава. Русины – это коренное население Карпатского региона. Сегодня в 11 странах мира они признаны как отдельный этнос. Проживают ныне в Польше, Украине, Румынии, Молдавии, Словакии, Венгрии, Сербии и других странах. Более подробно по данному вопросу см.: *Дуличенко А.Л.* Карпатские русины сегодня: некоторые этнолингвистические аспекты // Славяноведение. 2005. № 1. С. 20-30, а также *Розамирина Н.* Кто мы? Интервью с С.Г. Суляком // Аргументы и факты - Молдова. 2005. № 26.

6. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай // Лицей князя Безбородко. 1859. С. 70-80.

7. *Орлай И.С.* История о карпатороссах // Северный вестник. Т. II. СПб., 1804. Обычно исследователи ссылаются на эту публикацию, не обращая внимание на то, что позже статья Орлая была перепечатана в книге К.С. Свинцинского «Материалы возрождения Карпатской Руси». Львов, 1905. С. 56.

8. *Юрасов М.* Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием или его учениками // Русин. 2005. № 2. С. 46-54.

9. *Зімооря М.І.* На відстані часу // Микола Гоголь і світова культура.-Київ-Ніжин, 1994. С. 120-124.

10. Письма митрополита Киевского Евгения Болховитинова к Анастасевичу // Русский архив. 1889. Кн. 2. С. 179-181.

11. *Байцюра Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. С. 126-129. Список изданных произведений В. Кукольника приведен тут же, с. 191-192.

12. Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820-1821). Гоголеведческие студии. Выпуск восьмой. Нежин, 2002. С. 10-12. Далее все события, относящиеся к Нежинской гимназии, датируются по этому источнику без отдельных ссылок

13. *Кукольник Н.В.* Мои воспоминания // Исторический вестник. 1891. № 7. С. 79-99.

14. *Щеголев П.Е.* Из школьных лет Н.В.Гоголя // Исторический вестник. Февраль. 1902. С. 510-512.

15. *Байцюра Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Братислава; Прашев. 1977. С. 141-142.

16. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 77.

17. *Михед П.* Н.В. Гоголь в Гимназии высших наук кн. Безбородко // Михед П. Крізь призму бароко. Киев, 2002. С. 326.

18. *Халчинский И.А.* К.М. Базили // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. С. 5-13.

19. *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 10. М., 1950. С. 79.

20. *Пачовський В.* Історія Закарпаття. Мюнхен, 1946. С. 137.
21. *Виноградов И.* «Необыкновенный наставник» И.С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Гоголевские студии. Вып. 2 (13). Киев-Симферополь, 2005. С. 14-57.
22. Цит. по: *Водовозов Н.В.* Славянские интересы Гоголя // Ученые записки Московского городского педагогического института им. Потемкина. Т. CVII. 1960. С. 110.
23. *Плишкова А.* Формовання літературного мови карпатських русинів до середини 19 стороча в дотыку великоруськості // Русин. Прешов, 2004. № 3-6. С. 3.
24. Исторический вестник. 1886. № 12. С. 479.
25. *Кукольник Н.В.* И.С. Орлай // Лицей князя Безбородко. С. 77.
26. *Линтур П.* Народные песни-баллады Закарпаття // Вопросы литературы. 1958. № 5. С. 126-151.
27. *Черный И.В.* Малая проза Н.В. Кукольника, Харьков, 1996 С. 28-29.
28. *Чернышевский Н.Г.* «Азовское сидение» Н. Кукольника (рецензия) // Современник. 1855. Т. XL. № 6. Перепечатано в ПСС, Т. II. М., 1947. С. 699-702.
29. Донская хрестоматия, Новочеркасск, 1918.
30. ОР ИРЛИ. Ф. 371. Ед. хр. 16.
31. *Кюхельбекер В.К.* Сочинения. Л., 1989. С. 497-498.
32. В карпатском происхождении упрекал Кукольника Булгарин (Отчет Публичной библиотеки, 1885, с.143-144). Тургенев, утверждая, что Кукольник был основоположником «ложновеличавой школы», прямо давал понять, что он «не знает родины» - России. (*Тургенев И.* Воспоминания о Белинском. ПСС и писем в 30 т. Т. II. М., 1966. С. 35-37).
33. *Кукольник Н.В.* Мои воспоминания // Исторический вестник. 1891. № 7. С. 79-99.
34. *Вердеревская Н.А.* Романы Нестора Кукольника // Идеи и образы русской и зарубежной литературы. Елгава, 2004. С. 6-12.
35. *Шверубович А.* Братья Кукольники. Вильно, 1885. С. 8-9.
36. ОР ГРБ. Ф. 53. Картон 1843. Ед. хр. 6338. Лист 728-728 об.
37. *Гаврилюк Ю.* Холмская Атлантида // День. 2005. 22 сентября. № 173-174.
38. Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 422-423.
39. *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерк этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С. 86.
40. *Кукольник Н.* Статья без заглавия // Сын Отечества. 1858, № 1. С. 18.
41. *Кукольник Н.* Зеленая книжечка // Русская старина. 1908. Март. С. 687-653.
42. *Аристов Ф.Ф.* Карпаторусские писатели. Т. I. М., 1916. Репринтное издание. Бриджпорт (США), 1977. С. А-25.
43. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года). Сост. Т.К. Иванов. М., 1966. С. 171-172.
44. ОР ИРЛИ. Ф. 371. № 130. ЛЛ. 1-4.